

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/63/6

М.Н. Вольф

«АПРИОРНАЯ» ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАНТА И ГЕГЕЛЯ В ИСТОРИОГРАФИИ ФИЛОСОФИИ XIX В.

Историография истории философии XIX в. испытала значительное влияние подходов к истории философии Канта и Гегеля. Сохраняется информирующая историческая история философии, характерная для XVIII в., Кант вводит понятие философской истории философии, Гегель сочетает исторический и философский подходы. Осознание значимости исторической составляющей не дает обоим философам заявить о полном априоризме истории философии.

Ключевые слова: историография философии, методология истории философии, Кант, Гегель, историцизм

Обширные дискуссии XX в. о том, как писать историю философии¹, могут показаться обескураживающими на фоне вполне успешной на первый взгляд историко-философской работы: каких кризисов и переломов можно ожидать от дисциплины, чьей задачей считается «летопись» философских фактов, фиксации последовательности школ, направлений и имен? История философии неисклюшенному взгляду представляется столь же древней, как и сама философия, и вопрос к ее содержанию кажется тривиальным. Однако если вспомнить, насколько радикально менялось понимание задач и целей истории философии на протяжении конца XVIII и XIX вв., то становится оправданным постоянное обращение к этому вопросу сегодня.

Философия XIX в. оформилась под влиянием таких непревзойденных по своему масштабу фигур, как Кант и Гегель, благодаря которым не только принципиально изменились траектории развития философии, но и были пересмотрены прежние подходы к написанию истории философии. Благодаря им на много десятилетий вперед оформилась та *парадигма*, которую безуспешно пытались «снять» историки философии второй половины XIX в., и в этих почти бесплодных попытках ее преодоления сформировалось понимание истории философии как самостоятельной дисциплины. Строго говоря, если до XIX в. история философии была вспомогательной информативной дисциплиной, к XIX в. в ней стали формироваться спекулятивные либо критические подходы, поставившие под сомнение ценность информативного способа ее написания, то XIX в., его вторая половина, в переосмыслении той и другой тенденций, позволил истории философии стать автономной дисциплиной с собственными методами, отличными как от сугубо исторических, так и философских.

¹ О содержании дискуссий см. [1. С. 1–26].

Кант и Гегель, формируя новый образ истории философии, по-разному трактуют ее отношения с историей и философией. Примечательно, однако, что ни тот, ни другой не озабочены не только включением специального историко-философского раздела в систему собственных представлений, но даже его созданием. Ни тот, ни другой не пишут отдельных *трактатов*, учебников, посвященных истории философии. У Канта мы находим небольшую главу в семь страниц книжного текста «Краткие очерки истории философии» в достаточно объемном учебном пособии по логике [2. С. 334–340]. Известно, что текст пособия подготовлен по просьбе самого Канта учениками на основании записей его лекций 1755–1796 гг. и опубликован в 1800 г. Также среди заметок Канта есть небольшой текст (пара страниц), написанный между 1791 и 1795 гг., «Von einer Philosophirenden Geschichte der Philosophie» (О философской истории философии) [3], содержание которого, несмотря на предельную краткость, тем не менее, оказывается ключевым для кантовского понимания истории философии. При этом крайне неожиданно обнаружить в «Критике чистого разума» пусть и скупые, хронологически не выдержанные, но вполне ясные и емкие экскурсы в историю философии. Некоторым персонажам здесь уделяется только по строчке текста, а некоторым – по десятку страниц (такими оказываются Юм, Лейбниц, Эпикур), что создает впечатлительное историко-философское текста – аномального для XVIII в., но вполне состоятельного по меркам для XX в. Гегель, как и Кант, не видит историю философии как отдельную часть своей системы и не пишет специального труда. Она производит впечатление в лучшем случае вспомогательной дисциплины (Гегель не отводит ей места в «Энциклопедии философских наук») ¹, и только после смерти Гегеля благодаря его ученику Шарлю Михелету выходит первое издание «Лекций по истории философии» (1833), отражающее содержание гегелевских лекций 1817–1830 гг. [4].

Считается, что история философии Канта мало интересовала ². С этим можно согласиться, тем не менее у Канта есть четкое представление о том, какой должна быть история философии. Его подход к ней трудно назвать «стандартным», историческим, который реализуется через выстраивание определенной хронологической линии развития философских взглядов, – для Канта история философии сугубо философская дисциплина. В заметке «О философской истории философии» Кант вслед за Аристотелем различает два способа познания – познание фактов и познание принципов. Кант отмечает, что историческое познание является эмпирическим, оно направлено на познание вещей как они есть (*dinge wie sie sind*), но познаваемые таким образом вещи

¹ Возможно, нам следует развести Гегеля как философа и Гегеля как университетского преподавателя. То, что Гегель в течение всей своей профессорской карьеры каждый год возобновлял чтение лекций по истории философии (не включая при этом самой дисциплины в свою философскую систему), вероятно, говорит не о том, что он считал историю философии чем-то незначительным и второсортным, а скорее о том, что он видел в ней совершенно иной функционал в своем понимании философии, отводил ей в первую очередь важную дидактическую роль, осознавая ее потенциал привить студентам понимание связи поколений и исторических периодов, значимости прошлого, способности видеть объективную всеобщую цель и стремиться к ней. Движение к Абсолюту через осознание своего места в истории, понимание прогресса и развития Мысли, Разума, Духа, вероятно, представлялись Гегелю важными, выражаясь современным языком, компетенциями для будущего «среднего класса». Иными словами, роль истории философии могла заключаться в формировании определенного мировоззрения, способного принимать и использовать новые методы достижения истины и принципы развития.

² См., например, оценку кантовской истории философии, которую дал ведущий советский историк философии Т.И. Ойзерман: [5]. Несколько отличная оценка дана в [6].

не существуют таковыми с необходимостью [3]. Только рациональное познание представляет вещи в соответствии с необходимостью. В таком случае историческая идея философии способна представить только то, как и в каком порядке до сих пор философствовали, но она не может показать само развитие человеческого ума, рациональности [Ibid.], в чем и должна заключаться задача истории философии.

Это созвучно с теми идеями, которые Кант высказывает как в докритических произведениях, так и в критический период: невозможно изучать философию, поскольку она еще не дана, не состоялась, не завершилась, и соответственно все, кто так или иначе претендовал называться философом, оказывались лишь примером философствования, обреченного на историческое познание [б. Р. 755]. Отсюда становится ясным, что и быть написанной, исходя из эмпирических предпосылок, история философии не может. Нет смысла в философской истории заниматься изложением фактов, поскольку развитие человеческого разума нельзя отразить эмпирическими средствами. Именно в этом кантовском контексте правомерен вопрос о том, что именно считать философским фактом: деятельность человека, которого привычно называют философом на том или ином отрезке его жизненного пути, или конкретное состояние мысли, результаты рационального мышления. Потому и способы написания состоятельной — философской — истории философии должны отличаться, опираясь не на представление о вещах или факты, а на рациональные предпосылки, на первые принципы. Разумеется, Кант отдает себе отчет, что как бы ни хотелось рассматривать философскую историю как возможную априори, логически, а не исторически, априорной историей нельзя подменить эмпирическую, и это в полной мере касается и истории философии: в поисках фактов разума она будет обращаться к природе человеческого разума, который сам зависит от исторического повествования (Кант, рассуждая таким образом, вероятно, прокладывает дорогу Гегелю)¹. Как следствие *философская* история философии фактически не будет отличаться от самой философии, тогда как более привычная *историческая* история философии, описывающая линию преемственности и развития философии, для Канта невозможна. Кант стоит на той позиции, что каждое последующее философское учение не столько наследует предшествующему, сколько оценивает его критически, тем самым разрушая, нивелируя его значимость. По словам Канта, каждый последующий философ строит свою философию на развалинах предшествующей [5. С. 5], а это означает, что философствование пребывает в состоянии разрушения, а не становления, а подлинная, критическая философия, которая придет им на смену, не будет нуждаться в истории — ведь эмпирические факты философствования, которые фиксировались до того момента, не будут иметь к ней никакого отношения.

Данная позиция Канта крайне оригинальна и радикальна и полностью расходится с представлениями об истории философии XVIII в., которые отдают приоритет историческому принципу, доставшемуся в наследство и XIX в.² Историцисты во главе с Леопольдом фон Ранке и его принципом «wie

¹ См. цит. Канта в [5. С. 23–24].

² Однако имеются точки зрения, согласно которым именно реакция на Канта спровоцировала «исторический поворот» конца XVIII в., причем философский исторический поворот соединил в себе историческое и систематическое таким образом, что исключил возврат философии и ее истории к простому историцизму [7].

es eigentlich gewesen» отодвинут на второй план кантовские рассуждения о рациональных основаниях истории философии. Достаточно сильна историческая компонента в работах Гегеля, в первую очередь в «Лекциях по истории философии», и тем не менее Гегель в его понимании истории философии поддержал кантовский философский поворот, оказавшись в этом его прямым последователем. Можно сказать, что XIX в. достаточно ясно различил два варианта написания истории философии: один тяготеет к информированию о фактах и элементах преемственности (при этом такие *факты* не всегда были достоверны, т.е. *научно* подтверждаемы), другой ориентирован на поиск либо причин и оснований становления разума и рациональности, либо на поиск конечных целей, к которым эта рациональность устремлена. Выразителями первой традиции являются авторы стандартных для рубежа XVIII–XIX вв. томов по истории философии, сторонниками второй – Кант и Гегель.

Гегель в «Лекциях по истории философии» в обзоре популярных источников (т.е. учебников) истории философии предлагает любопытную компиляцию информирующей истории философии и ее оценку [8. С. 155–158]. На первый взгляд, странно читать его рассуждения о том, что источниками истории философии являются ее учебники или, как выражается Гегель, их авторы, историографы, которые в свою очередь полагаются на других историографов, что, по мнению Гегеля, нормальный подход для политической истории, но совершенно несерьезный, если у нас на руках имеются обширные трактаты-первоисточники [Там же. С. 154]. Однако порой эти трактаты настолько пространны и многотомны, отмечает он, что нередко другого способа усвоить мысль какого-либо философа, кроме как прочитав его через историографа, у нас просто нет.

Вместе с тем Гегель ясно дает понять, высказываясь прямо и в ряде случаев весьма едко, что историографы как авторы разных информирующих историй философий, порой весьма объемистых, заслуживают мало доверия. Преследуя историческую цель и претендуя на информирование читателя о фактах истории, в действительности они предлагают ему свои досужие домыслы, за которыми порой трудно обнаружить зерна истины (а судя по язвительным оценкам Гегеля, и здравого смысла). Из историко-философских работ предшествующего века Гегель в «Лекциях» не удостоивает вниманием ни Пьера Гассенди (три упоминания на все три тома «Лекций»), ни Якоба Томазиуса (дважды упомянут только его сын Христиан), а сразу начинает с первой английской трехтомной «Истории философии» (впервые опубликованной в 1655 г.) Томаса Стенли, который пишет только о древних, словно философия закончилась с наступлением христианства и, судя по всему, новая философия еще не заслужила такого уважения, чтобы о ней писать. Остальные замечания Гегеля касаются многотомных изданий XVIII в. «Критическая история философии» «отца истории философии» И.Я. Брукера, в пяти томах (1742–1744) – многословная компиляция с примесью собственных рассуждений, совершенно неисторична и по сути – балласт. Шеститомный «Дух спекулятивной философии» Д. Тидемана (1791–1797) написан деревянным и аффектированным языком, лишен доверия философам прошлого в состоятельности их рассуждений. «Учебник по истории философии и критической литературы о ней» И.Г. Буле в восьми томах (1796–1804) излагает историю непропорционально,

кратко о древних и подробнее ближе к современности. Одиннадцать томов «Истории философии» В.Г. Теннемана (1798–1819) грешат анахронизмами и порой заставляют философов говорить совершенно противоположное тому, что они на самом деле писали. Приводимые у Теннемана цитаты это наглядно демонстрируют, что совершенно не смущает автора: заявляя, что историограф не должен придерживаться какой-либо философской позиции, сам он оказывается критицистом. «Очерк истории философии» (1807) Фридриха Аста запутан. Издание Вендтом (который после смерти Теннемана стал издателем полного собрания его томов, не успевших выйти при жизни и восстановленных по рукописям) извлечений из одиннадцатитомного Теннемана (1829) выдает за философию все что угодно, и новые философские системы в них вырастают как грибы после дождя. Более или менее хорош только трехтомник Т. Рикснера «Пособие по истории философии» (1822–1823), но и он не удовлетворяет всем требованиям к истории философии.

Хотя на упомянутых выше книгах выросло не одно поколение философов и вообще европейских интеллектуалов¹, Гегель не делает на это никакой скидки. Однако такие крайне критические оценки свидетельствуют не столько о качестве перечисленной историко-философской литературы, сколько о разнице в подходах к ее написанию². Если на Стенли далее в самом тексте «Лекций» Гегель не ссылается, что говорит о том, что этот текст для Гегеля уже не актуален и принадлежит вчерашнему дню, то практически всех остальных авторов он активно использует. Наиболее часты ссылки на Брукера, Буле, Теннемана и Тидемана там, где Гегелю требуется дать информирующее историческое изложение.

Собственная оценка Гегелем истории философии на первый взгляд не чужда историчности и установлению преемственности, однако ни то ни другое не является ее самоцелью: в первую очередь, задача истории философии состоит в том, чтобы обнаружить некоторую универсальную схему или систему, в соответствии с которой весь фиксируемый в эмпирических фактах процесс смены философских учений разворачивает и определяет сам себя, поскольку имеется некоторая причина, послужившая исходным толчком для всего процесса, и конечная цель, ради которой и осуществляется все развертывание фактов и последовательных событий в истории. При этом целесообразность и каузальность оказываются определяющими в истории философии: именно исходная причина и конечная цель всего процесса позволяют задать единство для имеющихся фактов, а не наоборот, и сами исторические факты не позволяют усмотреть и реконструировать единство происходящего.

«...когда мы отграничим как следует область философии... [С]амо понятие предмета... должно определить характер общего обзора хода этой истории и ее деление на необходимые периоды; это деление должно показать ее органически прогрессирующим целым, разумной связью, и благодаря единственно лишь этому сама история философии приобретает достоинство науки» [8. С. 74].

¹ К слову, первое издание Брукера пришлось на годы учебы Канта в университете (и Кант единожды ссылается на Брукера в «Критике чистого разума» [9. С. 481]), а Теннеман был как раз из тех «историографов», которые излагали историю философии, полагаясь на других «историографов», – его «История философии» в значительной мере опирается на текст Брукера.

² Можно сравнить, насколько более спокойна и уважительна оценка этих же текстов и вообще историографии философии, например, у Целлера [10. С. 28–31].

Однако ошибочно понимать историческое у Гегеля как эмпирическое. Историческое возможно только в силу предсуществующего единства разума и посредством этого эмпирических фактов, благодаря чему только и возможно последовательное представление крайне различных, но при этом сменяющих друг друга философских школ и учений. Историки философии предлагают конкретную схему развития и прогресса не потому, что им так удобнее систематизировать факты, а потому, что эта схема или система изначально существовала ради некоторой цели и определяла происходящие процессы.

«...вся история философии есть по своему существу внутренне необходимое, последовательное поступательное движение, которое разумно внутри себя и определяется своей идеей а priori; история философии должна подтвердить это на своем примере. От случайности мы должны отказаться при вступлении в область философии. Подобно тому как необходимо развитие понятия в философии, точно так же необходима и ее история...

...каждая система философии необходимо существовала и продолжает еще и теперь необходимо существовать: ни одна из них, следовательно, не исчезла, а все они сохранились в философии как моменты одного целого...» [Там же. С. 98].

Таким образом, по Канту, рациональная упорядоченность фактов только гипотетически задается в процессе критического отбрасывания более слабых версий философий, и последовательная смена учений, их некоторая упорядоченность и желание усмотреть за этим философский прогресс несостоятельны: в процессе критического переосмысления предшествующих учений происходит их отбрасывание, полный отказ от них, уничтожение. Для Гегеля философские процессы историчны, и историки способны показать, как *действительно происходили события*, но только потому, что за этими процессами стоит отнюдь не гипотетический, а реальный рациональный порядок, что они обусловлены исходной причиной и конечной целью. Но и в том и другом случае происходит полный отказ от информативной функции истории философии: ее целью больше не является информирование читателя о конкретных исторических фактах или последовательных событиях, хотя она и сохраняется в качестве сопутствующего и не специфического для истории философии элемента. Главная ее цель теперь видится в установлении предельных, конечных, основополагающих принципов разума (духа) и существования, но в таком случае – это снова лишь модус существования самой философии, но не ее истории. В этом плане Гегель – очевидный сторонник философской истории философии.

Однако чуткость Гегеля к историчности философии, стремление видеть за философским процессом системность способствовали сохранению информирующих историй философии, которые к этому времени переживают своего рода *ренессанс*, и к середине XIX в. *историографии, полагающиеся на другие историографии*, многократно приумножаются. Они по-прежнему видят свою задачу в фиксации исторических фактов, но теперь уже с претензией на системность и прогресс философского знания, отчасти вдохновленные гегелевским подходом, а с другой стороны, этому в немалой степени способствовали значительные успехи классической немецкой филологии. Прецедент создания модели профессионального гуманитарного образования, основание уни-

верситетов в Германии в первом десятилетии XIX в., идея *Bildung*, на которую наложились идеал нации и концепция развития немецкого языка, резко изменили как статус профессуры, так и ее профессиональный уровень. Основанием этих процессов во многом послужили работы о природе языка, формировании наций Гамана и Гердера. В конечном итоге все эти процессы привели к появлению филологического ренессанса: стремление к формированию и упрочению национального языка сопровождалось стремлением создания в том числе и корпуса переводов классических текстов, обусловивших уникальный именно для Германии масштабный интерес к античной классике¹.

В 1799 г. начинается инициированный Шлегелем проект перевода корпуса диалогов Платона, к которому он привлек молодого Шлейермахера, и спустя десять лет продолженный последним уже в одиночку. В 1792 г. вышло многотомное исследование о Платоне Г. Теннеманна «Система платоновской философии», и Шлейермахер в своей работе ориентируется именно на него, однако стремится дать не анализ платоновской философии, а как можно более точно изложить взгляды Платона, для чего, по его мнению, необходимо было установить подлинность произведений и их порядок, формируя некоторую иную *систему* платоновской философии, хотя история, обсуждая вклад Шлейермахера, чаще обращается к его методу, чем к предложенному им порядку диалогов.

Благодаря протекции и поддержке Шлейермахера, немецкая филология обретает еще одного видного представителя – И. Беккера, который внес значительный вклад в издание классических текстов, в первую очередь Платона (1816–1823) и Аристотеля (1831–1836)². Тем самым формируется не только научный подход к переводам классических текстов и их изданию, не только методы правильной, истинной и даже *документальной* интерпретации античных текстов (к слову, подходы к интерпретации древних текстов переносятся в XIX в. на понимание и интерпретацию современной истории), но теперь уже и *научно* подтверждается начало философии в лице Платона и Аристотеля, что дает все основания для написания более точной системной и линейной истории философии. Претензия Гегеля на научность истории философии обретает свое реальное воплощение.

Изложение «Истории философии» Теннеманом (нестрогое, по мнению Гегеля) или двенадцатитомная «История философии» (1829–1853) Г. Риттера, переведенная на большинство европейских языков, включая русский, становятся образцами линейной истории философии, тогда как «История философии» Гегеля предлагает образец системного ее написания. Однако под «системой» теперь понимается нечто иное, чем подразумевали Гассенди или Теннеман. Это не просто связь элементов, это их абсолютное единство, универалистский принцип, который позволяет интегрировать различные элементы в единую линию прогресса, развития не только исторического, но и логического. История в таком системном подходе конструируется *абстрактно*: один этап исторического развития сменяется другим, но в расчет берутся и представ-

¹ Подробнее о процессах, которые происходили в интеллектуальной жизни Германии в XVII–XIX вв. и которые привели к взлету престижа и влияния гуманитарных наук, см. в [11. С. 268–277].

² Нумерация текстов Аристотеля, предложенная Беккером, до сих пор является стандартом при цитировании Аристотелевского корпуса.

ляют интерес только те эмпирические образцы, которые укладываются в изначально заданную логическую схему.

Идея единства или целостности исторического процесса, за которой стоит научное понимание как философии, так и ее истории, в кантовском и гегелевском выражении представляет собой *априорную* логическую конструкцию¹, жестко подчиняющую себе эмпирическое собрание фактов и их интерпретацию. Историография философии, несмотря на присутствие значительного исторического элемента, вплоть до середины XIX в. остается философской, а историографические методы исторической истории философии все еще пребывают в зачаточном состоянии, придерживаясь линейного принципа компоновки фактов. Хотя уже в первой половине XIX в. появляются попытки «изгнать» Гегеля из историографии философии, – наибольшую роль в этом сыграл А. Тренделенбург², – его влияние по-прежнему остается сильным.

Только во второй половине XIX в., когда окончательно произойдет оформление отдельных гуманитарных «наук», историография философии расколется на профессиональную античную историю философии и более современную и распределит права: более философская составляющая в лице младогегельянцев будет продолжать линию системного и прогрессивного философского развития, а более историческая составляющая начнет закреплять свою причастность к истории науки и использовать точные филологические методы, ориентируясь на исследование индивидуального творчества отдельных философов, а не развитие Разума как такового. В явной мере это можно будет увидеть в работе Целлера [10], а затем и через формулирование представлений о контексте – у В. Виндельбанда [13. С. 7–9]. Именно Целлер первым заговорит о невозможности априорного построения такой истории философии, которая учитывала бы индивидуальные устремления отдельного мыслителя, биографические и психологические основания его размышлений таким образом, чтобы включить их в единую совокупность исторических событий, установить связь единичных фактов в единой системе, что можно сделать только исторически; именно с этого он начинает свои «Очерки по истории греческой философии» [10. С. 20–22]. Те же мотивы можно найти и у Виндельбанда, он полагал, что независимо от того, каким было мировоззрение определенных исторических групп, «оно является продуктом индивидуального творчества конкретного мыслителя и обусловлено обстоятельствами его жизни (происхождением, воспитанием, судьбой, характером и т.д.). Поэтому без учета индивидуального фактора понять специфику историко-философского процесса невозможно» [13. С. 9]³.

Однако XIX в. ни в лице Целлера, продолжившего традицию истористского поворота, ни в лице Виндельбанда, завершившего его в конце века

¹ С теми оговорками касательно априорной истории философии, которые мы обозначили выше в отношении Канта.

² Обзор критики Тренделенбургом гегелевской философии и его шаги в сторону историзации философии см. в [12. С. 199–206].

³ Некорректно считать Виндельбанда сторонником только исторической истории философии и не учитывать его философскую историографию, в частности, его главное для этого подхода понятие «проблемы» и его специфический «*Problemgeschichte*» (см., например, [14. С. 19–22, 24–27]). Скорее следует принять эти две стороны его творчества как взаимодополняющие и рассматривать его продолжателем синтетического гегелевского подхода. Позиция Виндельбанда в отношении философской истории философии требует отдельного рассмотрения.

включением контекстуалистских принципов в историю философии, так и не возьмет на себя смелость отказаться от усмотрения определенного представления об общности и о последовательной смене учений в их единстве и системности, несмотря на значительное внимание к роли индивидуального в их построениях. К слову, именно историцистский поворот в истории философии конца XIX в. дал основания снова трактовать ее как вспомогательную формирующую дисциплину, что дало толчок философам и историкам XX в. обратиться к пересмотру статуса дисциплины как автономной. В то же время кантовское и гегелевское стремление подчинить историю философии рациональным предпосылкам, свести ее к философии или подменить одну другой оказались удивительно созвучны тем положениям, которые высказывали в отношении истории философии аналитические философы в XX в., и нашли в них свое продолжение.

Литература

1. Берестов И.В., Вольф М.Н., Доманов О.А. Аналитическая история философии. Методы и исследования. Новосибирск : Офсет ТМ, 2019. xviii, 242 с.
2. Кант И. Логика. Пособие к лекциям 1800 // Тракаты и письма / отв. ред. и автор вступ. ст. А.В. Гулыга. М. : Наука, 1980. С. 319–444.
3. I. Kant, AA XX : Handschriftlicher Nachlaß: Lose Blätter zu den Fortschritten der Metaphysik, F3, p. 340.25–35, 341.1–15. URL: <https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/aa20/> (accessed: 18.02.2021).
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии: Кн. 1–3. СПб. : Наука, 2001.
5. Ойзерман Т.И. Кант как историк философии // Кантовский сборник: межвузовский тематический сборник научных трудов. 2004. № 1 (24). С. 3–24.
6. Micheli G. Philosophy and Historiography: The Kantian Turning-Point // eds. G. Piaia, G. Santinello. Models of the History of Philosophy. Vol. III: The Second Enlightenment and the Kantian Age. Springer, 2015. P. 697–768.
7. Ameriks K. Kant and the Historical Turn: Philosophy as Critical Interpretation. Oxford : Oxford University Press, 2006. 344 p.
8. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. СПб. : Наука, 2001. 350 с.
9. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Иммануил Кант; Ин-т философии РАН. М. : Наука, 2001–2006. Т. 2: Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой. 2006. 1081 с.
10. Целлер Э. Очерк истории греческой философии / пер. с десятого немецкого издания под ред. Ф. Лорцинга; пер. С.Л. Франка. СПб. : Алетейя, 1996. 294 с.
11. Смит Р. История гуманитарных наук. 2-е изд. [пер. с англ.] / под науч. ред. Д.М. Носова ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 392 с.
12. Куренной В.А. История философской истории понятий: предисловие к переводу Г. Люббе // Социология власти. 2017. № 32, вып. 4. С. 197–239.
13. Бойцова О. История философии Вильгельма Виндельбанда // Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / пер. с нем. под ред. А. Введенского ; вступ. статья О. Бойцовой. М. : Гиперборея : Кучковополе, 2007. Т. 1: От Возрождения до Просвещения. 2007. С. 5–10.
14. Виндельбанд В. История философии / пер. с нем. П. Рудина. Киев : Ника-Центр, 1997. 560 с.

Marina N. Volf, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: rina.volf@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 53–63.

DOI: 10.17223/1998863X/63/6

THE “A PRIORI” HISTORY OF PHILOSOPHY OF KANT AND HEGEL IN THE 19TH CENTURY HISTORIOGRAPHY OF PHILOSOPHY

Keywords: historiography of philosophy; methodology of history of philosophy; Kant, Hegel; historicism

Philosophy of the 19th century took shape under the influence of Kant and Hegel, who changed the trajectories of the development of philosophy and its history. Until the 19th century, the history of philosophy was a secondary informative discipline; by the 19th century, speculative, critical approaches began to form in it, calling into question the value of the informative one. The 19th century offers two options for writing the history of philosophy: one, as before, tends to inform about the facts and elements of succession in philosophy; the other is focused on finding the causes, grounds, and ultimate goals of the formation of reason and rationality. Neither Kant nor Hegel create special historical and philosophical works; as a rule, these are lecture texts published by their disciples. Moreover, both of them have a clear conception on the history of philosophy. Shaping its new image, both philosophers interpret its relationship with history and philosophy in different ways. Kant introduces the concept of the philosophical history of philosophy. The historical idea of philosophy can only represent what the order and manner of philosophizing were, but cannot show the development of the human mind and rationality. Therefore, the history of philosophy cannot be written on the basis of facts but must be based on rational premises and first principles. The summary of Kant's approach is that the philosophical history of philosophy will not differ from philosophy itself, and the historical history of philosophy is actually impossible. Hegel's assessment of the history of philosophy is not alien to historicity and the establishment of succession, but they are not its ultimate goal: the task of the history of philosophy is to discover some universal scheme, or system, in which the process of changing philosophical doctrines unfolds and defines itself by virtue of the original cause and final goal. Unlike Kant, Hegel sees philosophical processes as historical ones; there is a real rational order behind them. Both philosophers completely abandon the informative function of the history of philosophy. They see its goal in establishing the fundamental principles of reason, but this is actually the mode of philosophy, but not of its history. In such assessments, Hegel is also an obvious supporter of the philosophical history of philosophy, but his sensitivity to the historicity and systemic nature of philosophy contributed to the preservation of informative histories of philosophy. This was facilitated not only by the Hegelian approach, but also by the *Bildung* idea and the significant successes of classical German philology. Both philosophers idealized an a priori logical approach to the history of philosophy, but realized its impossibility due to the significant role of the empirical basis in the history of philosophy.

References

1. Berestov, I.V., Volf, M.N. & Domanov, O.A. (2019) *Analiticheskaya istoriya filosofii. Metody i issledovaniya* [Analytical History of Philosophy. Methods and Research]. Novosibirsk: Ofset TM.
2. Kant, I. (1980) *Logika. Posobie k lektsiyam 1800* [Logic. Lecture manual 1800]. In: Gulyga, A.V. (ed.) *Traktaty i pis'ma* [Treatises and Letters]. Moscow: Nauka. pp. 319–444.
3. Kant, I. (n.d.) *Handschriftlicher Nachlaß: Lose Blätter zu den Fortschritten der Metaphysik*. F3. pp. 340.25–35, 341.1–15. [Online] Available from: <https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/aa20/> (Accessed: 18th February 2021).
4. Hegel, G.V.F. (2001) *Lektsii po istorii filosofii* [Lectures on the History of Philosophy]. St. Petersburg: Nauka.
5. Oyzerman, T.I. (2004) Kant kak istorik filosofii [Kant as a historian of philosophy]. *Kantovskiy sbornik*. 1(24). pp. 3–24.
6. Micheli, G. (2015) Philosophy and Historiography: The Kantian Turning-Point. In: Piaia, G. & Santinello, G. (eds) *Models of the History of Philosophy*. Vol. III. Springer. pp. 697–768.
7. Ameriks, K. (2006) *Kant and the Historical Turn: Philosophy as Critical Interpretation*. Oxford: Oxford University Press.
8. Hegel, G.V.F. (2001) *Lektsii po istorii filosofii* [Lectures on the history of philosophy]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
9. Kant, I. (2006) *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Nauka.
10. Zeller, E. (1996) *Ocherk istorii grecheskoy filosofii* [Essay on the history of Greek philosophy]. Translated from German by S.L. Frank. St. Petersburg: Aleteyya.
11. Smith, R. (2008) *Istoriya gumanitarnykh nauk* [History of the Humanities]. 2nd ed. Translated from English. Moscow: HSE.

12. Kurennoy, V.A. (2017) *Istoriya filosofskoy istorii ponyatiy: predislovie k perevodu G. Lyubbe* [The history of the philosophical history of concepts: a preface to the translation of G. Lubbe]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 32(4). pp. 197–239. DOI: 10.22394/2074-0492-2017-4-197-239

13. Boytsova, O. (2007) *Istoriya filosofii Vil'gel'ma Vindel'banda* [History of Philosophy of Wilhelm Windelband]. In: Windelband, W. *Istoriya novoy filosofii v ee svyazi s obshchey kul'turoy i otdel'nymi naukami* [History of new philosophy in its connection with general culture and individual sciences]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Giperboreya : Kuchkovopole. pp. 5–10.

14. Windelband, W. (1997) *Istoriya filosofii* [History of philosophy]. Translated from German by P. Rudin. Kyev: Nika-Tsentr.